

Если бы у меня были какие-нибудь другие силы, создание костюма превратилось бы в настоящий кошмар. Я никогда не училась шить, а разработка дизайна костюма профессионалами была дорогостоящей, и к тому же ставила под угрозу тайну личности. Последнее, чего бы мне хотелось, это выйти на улицы в мою первую ночь в лыжной маске и худи с капюшоном.

Вместо этого я создала для себя нагрудник. Я спаяла вместе чередовавшиеся слои мягкого и жёсткого железа с помощью моих способностей и других металлов, которые я успела стянуть из заброшенного депо и доков. Вся эта груда железа весила 10 фунтов (10 фунтов = 4,54 кг, прим.пер.), но я практиковалась носить его в течение нескольких недель. Ощущался он нестерпимо тяжёлым поначалу, но сейчас носить его было намного легче. Дополнительное преимущество таких тренировок состояло в том, что я стала более подтянутой и стройной.

К счастью, я никогда не теряла желания стать лучше, даже когда была подавлена из-за Эммы. Мои силы и вера в то, что в конечном итоге я стану героем, были частью новой меня.

Хотя я и была в достаточной степени уверена в том, что моё силовое поле могло защитить меня от большинства угроз, я считала, что иметь по крайней мере немного дополнительной защиты было хорошей идеей. В конце концов, моё силовое поле никогда не проходило испытаний в реальных условиях, и я понятия не имела, как именно оно будет держать удар.

Окрасить доспех в красный цвет представлялось уже более сложной задачей. Я никогда не была особо хороша в работе своими руками, и для того, чтобы разукрашенное мной выглядело красиво и немного сияюще, мне предстояло пройти много шагов.

Мне пришлось предпринять много попыток и несколько раз покидать подвал, чтобы проветрить помещение, прежде чем я наконец-то добилась того результата, которого хотела. От запаха растворителя краски в плохо проветриваемой комнате у меня постоянно болела голова.

Самым удивительным было то, что папа понятия не имел, чем именно я там занималась. Я сказала ему, что делаю школьный проект, а он даже ни разу не спустился вниз, чтобы меня проверить, хотя наверняка мог почувствовать запахи краски. Смерть мамы сделала его тенью того человека, каким он был, и даже смотреть на него такого мне было больно.

Разработать другие части экипировки было более сложной задачей. В конечном итоге я остановила свой выбор на чёрных кожаных штанах и сделала плащ из тысячи маленьких металлических цепочек. Пока что он не мог остановить пулю, хотя возможно и смог бы остановить удар ножа, но у меня уже было несколько идей, которые я планировала с ним реализовать. Я покрыла кольчугу красным полотном, которое также было сплетено мною из металла.

Также у меня имелся пояс, на который я прикрепila несколько предметов первой необходимости; сейчас он больше походил на поясную сумочку с некоторым количеством денег, одноразовым телефоном и полицейским сканером, прикреплённым к поясу.

Я раздумывала над тем, стоит ли также брать пластиковые стяжки, но с учётом моих способностей я сомневалась, что у меня возникнут затруднения с тем, чтобы кого-нибудь связать.

Высокие кожаные сапоги и металлический шлем, оставляющий рот открытым, завершали ансамбль. Я пыталась сделать закрытую маску, которая прикрывала бы всё лицо, включая рот,

но в таком варианте из-за дыхания у меня потели очки, а это заставляло меня чувствовать приступы клаустрофобии. Шлем был сделан из алюминия, потому что предыдущие варианты вызывали хронические боли в шее. В последнюю очередь мне бы хотелось попасть в больницу из-за того, что моя собственная броня меня доконала.

Я не была особо счастлива из-за того, что алюминий был недостаточно прочен - я имею в виду для того, чтобы остановить выстрел - но его лёгкость казалась мне более важной, если я хотела начать патрулировать улицы. Люди начнут меня подозревать, если я начну качать мышцы шеи, словно какой-нибудь рестлер.

Я продавала аксессуары из металлолома, которые вытаскивала из заброшенных зданий, и чувствовала себя виноватой из-за того, что начинала свою героическую карьеру с совершения преступлений. Но всё, что мне требовалось, было недешёвым, а у меня не было денег даже на то, чтобы купить упаковку жевательной резинки - что тут говорить о трёх дорогих парах кожаных штанов.

Я осторожно присоединила свою поясную сумку к остальной экипировке, в том месте, где её мог прикрыть плащ, и сделала глубокий вдох. Я откладывала выход на улицы несколько лет, всегда находя для этого убедительные оправдания и причины.

Я говорила себе, что моя броня ещё не доведена до идеала, или что я ещё не отшлифовала использование одного из аспектов своих сил. Проблема была в том, что у моих способностей всегда находился какой-то новый аспект, который необходимо было исследовать. Увиденное видео, где лягушка левитировала в катушке Тесла с помощью диамагнетизма*, заставило меня осознать, что я могу летать, даже если не буду облачена в свою броню. Летать с доспехами было легче, но тот день, когда я пробовала делать это без них, был самым захватывающим днём из всех, что я помнила.

Не все из моих способностей так или иначе были связаны с магнетизмом. Я могла контролировать большую часть электромагнитного спектра, из-за чего диапазон вещей, которые я могла делать, был очень широк, просто управление магнетизмом было самой легкоконтролируемой для меня способностью.

Если я буду ждать того момента, как полностью освою все свои силы, к тому моменту, как я отправлюсь геройствовать, я уже стану старой и седой.

Вот оно. Было ли нормальным слышать, как грохочет сердце в ушах в такой момент? А задерживать дыхание в груди тоже нормально?

Скривившись, я заставила себя сфокусироваться на расширении своих чувств. Ощущение металла в теле отца помогло мне обнаружить его в собственной постели, впрочем, как и обнаружить большинство соседей на расстоянии нескольких кварталов. У большинства людей металла в организме было совсем немного; если взять весь металл из двух обычных людей, из него можно было бы сделать один патрон. Но этого было достаточно, чтобы я могла их обнаружить; это означало, что путь был свободен и я могла выбраться из дома без риска быть замеченной.

Я поплыла по воздуху вверх по лестнице. Полёт был немного неуклюжим. Я не часто практиковала полёты, потому что всегда существовал риск быть замеченной. Я слышала, что многие юные героини посещали доки, чтобы протестировать свои силы. Городские группировки тоже знали об этом, и их наблюдатели были готовы отслеживать юных героев на их пути домой.

Много молодых героев заканчивали тем, что вступали в банды, либо незаметно устранились, чёрт бы побрал эти неписанные правила. Уже зная, что я хочу быть героем, я потратила много времени на исследования. Неписанные правила были скорее расплывчатыми рекомендациями и они регулярно нарушались обеими сторонами.

Бытие героем означало, что тайна твоей личности будет гарантированно защищаться, и именно этого я и хотела добиться. Даже если мой силовой щит был так же силён, как я на то надеялась, у моего отца не было ничего подобного, что могло бы его защитить.

Проплыв через кухню, я протянула руку и использовала свою силу на двери, чтобы отпереть замок и распахнуть её. Я бесшумно плыла по воздуху, зависнув над полом на высоте нескольких дюймов (1 дюйм - 2,54 см, прим. пер.). Не звучали шаги, которые предупредили бы отца о моей отлучке, не было никаких других звуков движения.

Единственными звуками были моё сердцебиение и дыхание, звучащие неестественно громко, как звук закрывающейся с громким щелчком двери позади меня.

Покинув дом через заднюю дверь я взмыла в ночное небо так быстро, как только могла. Поблизости никого не было, но последнее, что я бы хотела, это дать каким-нибудь наблюдателям на расстоянии возможность отследить моё местоположение.

Как только я начала удаляться от дома, я почувствовала неожиданное чувство тревоги. Я летала кругами в подвале и даже немного в комнатах, когда отца не было дома и шторы были задёрнуты, но это было нечто другое.

Если мои силы вдруг покинут меня, я умру.

Я заставила себя отбросить прочь чувство тревожности и толкнула себя ещё выше. Прошло совсем немного времени, прежде чем страх полностью исчез, и я осознала, что наслаждалась свободой ветра и неба. Полёт не требовал от меня много усилий, а двигалась я при этом быстрее, чем когда ездила на машине.

Я делала в воздухе петли, кружилась, резко разворачивалась; конечно, это было слишком поребачески, но я ничего не могла поделать с этим ощущением свободы, да и не хотела лишать себя этого чувства ликования. Всё же, в моей жизни было так мало действительно приятных вещей после того, как умерла мама.

Почему бы мне не получать удовольствие от жизни, не наслаждаться своими силами?

Но всё же, это не было причиной, по которой я находилась здесь. В своём роде, это была ещё одна попытка увиливания от моей настоящей цели. Я вышла на улицы, чтобы сделать что-то значимое, сделать мир лучше**, и я должна была приступить к поставленной цели. Из того, что я слышала, уровень преступлений резко снижается после трёх ночи; видимо, даже преступники в это время предпочитают спать.

Я потянулась к поясу и сняла с него свой полицейский сканер. В последние несколько недель я зубрила значение кодов, которые использовались в полиции, слушая сканер для практики, так что сегодня я могла делать это без того, чтобы судорожно листать свою маленькую книжечку для расшифровки услышанного.

Я слушала. 10-49... жалоба на лай собаки. С этим я ничего не могла поделать, даже если учитывать, что пушистик раздражал всех соседей в этом районе. Что я вообще могла сделать, чтобы заставить собаку прекратить лаять? Надеть на неё намордник? А намордники вообще

когда-нибудь мешали собакам лаять?

10-54... домашний скот на шоссе? Ну, я же не могла помнить все коды наизусть, верно? Я решила, что запишу место и время в черновиках сообщений на телефоне, чтобы в следующий раз можно было проверить расшифровку.

10-55... светофор не работает. Неужели Броктон-Бей не был таким рассадником мерзавцев и злодеев, каким я его всегда считала? Конечно, прошло всего-то пять минут, но когда я только решила для себя стать супергероем, телевизор постоянно говорил мне о том, что преступления совершались... просто совершались, всегда и везде.

Время шло, и я занимала себя тем, что просто низко летала над городом. Я достаточно хорошо знала улицы, и потому, что изучала карты, и потому, что просто рассматривала их, когда папа вёз меня куда-то. Но узнавать их с воздуха оказалось гораздо труднее. Всё выглядело иначе отсюда, и не только потому, что сейчас было темно.

10-57... наконец-то. Выстрел и побег. Кого-то, по-видимому, ранили, и теперь полиция их преследовала.

Теперь оставалось только сообразить, где это всё происходило. Я пошарила рукой по поясной сумке позади в поисках телефона, но прежде, чем я смогла достать его из поясного кармашка, порыв ветра буквально вырвал его из моей руки и я его уронила. Я в ужасе следила за его падением, прежде чем смогла схватить своей силой и отлевитировать обратно в свою руку.

Мне потребовалось почти две недели на то, чтобы выяснить, как правильно держать своими силами телефон так, чтобы не повреждать его внутреннюю начинку. Быстрая проверка моего местонахождения на гугл-картах, и я начала движение.

Мне потребовалось лишь минута или две, чтобы найти их. Они ехали в старом, побитом Додж Чарджере***, не останавливаясь на красном свете светофоров, пусть даже улицы и были практически пустыми в это время. За ними ехало три полицейские машины.

Я использовала одну из своих способностей, и их колёса оторвались от земли. Я отлевитировала их автомобиль так, чтобы копы не врезались в них, и начала вращать транспорт вокруг своей оси. Я стащила все пушки, выкидывая их на землю. Когда я решила, что вращений достаточно для того, чтобы у человека началось головокружение, я уронила машину.

Полицейские уже успели выйти из своих авто, но они не видели меня, ведь я парила над зданием, стоящем позади них. При виде того, как полицейские поторопились заковать злодеев в наручники, я испытала чувство удовлетворения. Я делала это не для славы или для создания определённого образа.

Я видела, как медленное загнивание города пригибало моего отца вниз, оставляя от него только оболочку человека, каким он когда-то был. Это началось ещё до смерти моей матери, хотя её гибель значительно ускорила этот процесс. Когда казалось, что всё возможно, он верил, что город, который он любил, мог возродиться словно феникс и снова ожить, но потом случилось это.

Его вера никогда не находила подтверждения в реальности. Злодеи подтачивали город изнутри, словно личинки, которые вгрызались в плоть умирающего животного, которое ещё не осознало, что фактически было мертво.

И потому любые перемены, которые я могла привнести, были только к лучшему. Первый шаг к этому - дать людям надежду.

Протекторат, казалось, никогда не делал ничего полезного, но собирал вокруг себя толпы народу, и его люди вели себя как знаменитости. Даже если они и отлавливали какого-нибудь злодея, то через неделю тот уже успевал сбежать и снова был на свободе. Я честно раздумывала над тем, вступить ли мне в Стражи, но я не хотела танцевать под их музыку каждый раз, когда кто-то из правительства вдруг захочет услышать от меня воодушевляющую речёвку.

Я хотела действовать иначе, быть как мой дед. По словам отца, он успел побывать и героем, и злодеем в разное время, делая всё возможное для того, чтобы защищать тех людей, которых он считал своими.

Мутанты, какими бы они не были, не существовали на Земле Бет, поэтому ближе всего к понятию «мои люди» были для меня жители Броктон-Бей.

Полицейский сканер по большей части выдавал бытовые ситуации. Домашняя ссора... угх. Я не собираюсь приближаться к этому ближе, чем на 10 футов*** (10 футов = 3,04 метра; прим. Пер.).

Проблема с полётами состояла в том, что нелегко было видеть, что происходит на земле. Я не могла видеть в темноте, и у меня не было суперчувств, ну, кроме, конечно, умения ощущать магнитные поля, которое я могла использовать для того, чтобы отслеживать местонахождение людей.

Я оживилась. Это могло бы стать решением. В эти часы люди, как правило, оставались в своих домах и не слонялись вокруг. Но местоположение тех, кто мог быть замешан в разных грязных делишках, по крайней мере должно было отличаться от местоположения обычных людей.

Закрыв глаза, я обратилась к ощущениям. Я могла ощущать здания; большая их часть была пронизана сетью электрической проводки и водопроводной системы. Люди внутри зданий ощущались гораздо слабее, железо в их крови было практически незаметным на фоне металла, который их окружал.

Но, несмотря на все мои ухищрения, я не смогла засечь тех, кто делал что-то странное. Все вокруг словно вымерли этой ночью.

Я продолжала летать по округе ещё в течение часа, прежде чем мне это надоело, и отправилась домой. Я летела обратно окольными путями, на случай, если меня засекли дорожные камеры или что-то ещё, хотя большинство из них были либо украдены, либо повреждены.

Я могла только надеяться на то, что не все ночи будут похожими на эту. Неужели бытие героев предполагает, что я буду больше скучать, чем сражаться?

Я хотела наработать себе репутацию до того, как взяться за кладбище кораблей. Я подняла машину в воздух так, словно она ничего не весила, так что, возможно, я могла бы рвать на части корабли и топить их, или куда-нибудь переносить. Я могла бы заняться этим даже сейчас, но чувствовала себя слишком неуверенной для этого.

После того, как я приземлилась в переулке за моим домом, я медленно поплыла в сторону своего двора. Защёлка на внутренней стороне калитки отворилась, и я молча проплыла внутрь

дворика, закрывая за собой калитку. Вскоре я была у себя дома, плывя вверх по лестнице, а затем начала снимать своё обмундирование с помощью способностей и заставляла его плавать вокруг себя. Это была хорошая тренировка для разработки многозадачного режима у моих способностей, и так разоблачаться было гораздо быстрее.

Как же круто было раздеваться, при этом не напрягая ни одну мышцу.

Я залезла в кровать и расслабилась, но сон всё не приходил. Я была глубоко разочарована. Неужели это всё?

Но как только мои глаза закрылись, я застыла.

Я могла слышать шёпот. Я не могла разобрать, что он говорил, но отчётливо его слышала. Это звучало почти так, будто звук исходил из стен.

Быстрая проверка с помощью своих сил сообщила мне, что отец находился в своей комнате в одиночестве; не то, чтобы я ожидала, что его там не будет. Больше в доме не было никого.

Но тем не менее, я всё ещё слышала шёпот, исходящий от стен.

Я вылезла из кровати и прислушалась. Казалось, что шёпот звучал прямо над моей головой. Накинув халат, я осторожно выскользнула из комнаты.

Мне казалось, что звук доносится откуда-то из чердака. Я спустилась в прихожую и медленно потянула люк в потолке, без жутких скрипящих звуков, которые он бы издавал, попытайся я сделать это руками.

Я не заморачивалась с тем, чтобы забираться вверх по лестнице. Вместо этого я просто влетела в открытый люк. Надеюсь, это не окажется крыса или колония жуков. Я ненавижу мысли о том, что могу находиться в окружении чего-то подобного.

Чердак был набит хламом моих родителей, который накопился с момента их свадьбы; большая часть хлама была таковой ещё до моего рождения. Теперь шёпот, казалось, звучал громче, и когда я проплывала по чердаку сквозь пыль, которая покрывала вещи родителей, я начала покашливать, из-за чего она продолжала взлетать в воздух.

Я потянулась рукой к шнуру от выключателя и включила свет. Лампочка была старой и мигала, и я напонила себе, что нужно будет заменить её, как только представится такая возможность. Папа никогда не был особо хорош в домашних делах, а теперь, когда он пребывал в депрессии, было совсем мало шансов на то, что он позаботится об этом вопросе сам.

Звук шёл от большого сундука в углу, которого я не видела раньше. Он был окован железом и закрыт на тяжёлый замок, но для меня это не было настоящим препятствием. Я чувствовала весь механизм замка, и секундой спустя он расщёлкнулся. Сундук тут же распахнул свою крышку.

Я едва могла видеть сквозь темноту; моя тень заслонила содержимое сундука, стоило мне к нему подойти.

Однако я чувствовала, что внутри сундука есть что-то металлическое. С легчайшим усилием я отлевитировала вещь, что лежала на самом верху, поближе к себе.

Это был красный шлем.

— Наконец-то, — шёпот сформировался в чёткие слова.

— Что? — удивилась я. Это что, был какой-то тинкертех коммуникационного устройства из того периода жизни мамы, когда она была членом организации Люструм*****?

— Твой дурак-отец пытался спрятать меня за этими замками, но он не хотел насовсем лишать тебя законного наследства.

— Что? — спросила я опять, чувствуя себя крайне глупо. Это шлем пытался поговорить со мной? Я разговариваю со шлемом?

— Ты не узнаёшь меня, внучка? — произнёс голос. — Я то, что осталось от твоей настоящей семьи, даже если я всего лишь бледная тень человека, которым когда-то был.

* лягушка в катушке: <https://www.youtube.com/watch?v=lEpZhkoK--8>

** to make a difference идиоматическое выражение, у которого есть достаточно много примерно одинаковых по смыслу переводов. Можно перевести также как "чтобы изменить ситуацию, внести свой вклад, сделать мир лучше, изменить мир, добиться перемен, сделать что-то значимое" и так далее.

*** как выглядит машинка можно посмотреть здесь:

<https://yandex.ru/images/search?text=Dodge%20Charger> ну или просто самостоятельно вбить Dodge Charger в гугл или яндекс

****в тексте используется идиоматическое выражение "with a ten foot pole", перевести которое также можно "даже не собираюсь на это смотреть/приблизиться к этому", "могу обойтись без этого". Если переводить предложение "I didn't want to touch that one with a ten foot pole" дословно, то это можно перевести как "я не хочу прикасаться к этому даже 10-футовой палкой".

*****в тексте использовано выражение "Mom's Lustrum days". Спасибо неизвестному пользователю с самиздата, что дал ссылку на англовики, которая объяснила ситуацию. Люструм - кейп, которая была лидером крайне агрессивного феминистско-религиозного движения, члены которого доходили до избиений, убийств и прочего членовредительства. Аннет Эберт, мать Тейлор, также недолгое время принадлежала этому движению.

Тинкертех = технарское устройство, устройство, сделанное технарём

Стражи - программа для несовершеннолетних под патронажем Протектората. В общем-то, выполняют те же функции, что Протекторат.

<http://tl.rulate.ru/book/31885/687941>